

Житие святого Гутлака:
проблема интертекстуальности
в древнеанглийской агиографии

Наталья Ю. Гвоздецкая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Сретенская духовная академия, Москва, Россия,
ngvozdz@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема интертекстуальности древнеанглийской агиографии на материале прозаических и поэтических произведений, посвященных святому Гутлаку, одному из первых национальных английских святых-отшельников. Анализируется степень влияния на жития Гутлака континентальных агиографических канонов (в том числе жития св. Антония Великого) и германской героико-эпической традиции. Изучаются лексические способы выражения эпического мотива «изгнания», характерные для древнеанглийских героических элегий «Скиталец» и «Морестранник», в аллитерационной поэме “Guthlac B”, которая описывает смерть подвижника.

Ключевые слова: интертекстуальность, древнеанглийская агиография, святой Гутлак, аллитерационная поэзия, поэмы Guthlac A и Guthlac B, мотив изгнания

Для цитирования: Гвоздецкая Н.Ю. Житие святого Гутлака: проблема интертекстуальности в древнеанглийской агиографии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 3. С. 179–188. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-179-188

The life of Saint Guthlac.
The issue of intertextuality in Old English hagiography

Natalia Yu. Gvozdetzskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia, ngvozdz@yandex.ru*

Abstract. The article considers the issue of the intertextuality of Old English hagiography based on the material of prose and poetic works relating

to Saint Guthlac, one of the first national English hermit saints. The author analyzes the degree of influence of continental hagiographic canons (including St. Anthony's hagiography) and the Germanic heroic-epic tradition on St. Guthlac's hagiographies. The lexical ways of expressing the epic motif of 'exile', characteristic of the Old English heroic elegies "The Wanderer" and "The Seafarer", are studied in the alliterative poem "Guthlac B", which describes the death of the holy ascetic.

Keywords: intertextuality, Old English hagiography, Saint Guthlac, alliterative poetry, poems "Guthlac A" and "Guthlac B", motive of exile

For citation: Gvozdetzskaya, N.Yu. (2024), "The life of Saint Guthlac. The issue of intertextuality in Old English hagiography", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural studies" Series*, no. 3, pp. 179–188, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-179-188

Актуальность статьи определяется обращением к проблеме интертекстуальности на материале прозаической и поэтической агиографии, связанной с жизнеописанием англосакса Гутлака, одного из первых национальных английских святых-отшельников. Уникальность Гутлака, реальной исторической фигуры (скончался, согласно «Англосаксонской хронике», около 714–715 гг.), состоит в том, что в пределах ста лет после его кончины ему были посвящены как минимум четыре произведения, два в прозе и два в стихах (одно написано по-латыни, остальные на древнеанглийском языке). Все они, наряду с элементами устного предания, в той или иной степени содержат текстуальные переклички как с образцами латинской агиографии, так и с героико-эпическими произведениями аллитерационной поэзии. Цель статьи – проследить динамику становления посвященного Гутлаку агиографического нарратива в контексте эпохи VII–XI вв. и проанализировать влияние героико-эпической традиции на вторую, менее изученную поэму о Гутлаке (Guthlac B). Гипотеза автора состоит в том, что эпизод кончины святого, в целом отвечающий агиографическому канону, трактуется в ней несколько иначе, будучи пронизан образными и словесными перекличками с древнеанглийскими «героическими элегиями», примеры которых представляют «Скиталец» (The Wanderer) и «Морестранник» (The Seafarer).

Местная агиография впервые появилась в Англии на латинском языке, на рубеже VII–VIII вв., столетие спустя после прибытия в Кент первой римской миссии (597 г.), посланной святителем Григорием Великим. Около 710 г. его житие написал англосакс-аноним из монастыря Витби, где ранее (в 664 г.), на местном соборе, были разрешены в пользу Рима канонические разногласия между римскими и

ирландскими монахами (ирландцы крестили север Англии). Другое раннее местное житие, написанное на латыни, посвящено св. Катберту, первому известному отшельнику-аскету из среды англосаксов, воспитанному в традициях ирландской церкви, но принявшему сан епископа от главы второй римской миссии Теодора из Тарса. Это анонимное житие, созданное между 698 и 705 гг., переработал в стихах и прозе Беда Досточтимый (672–735 гг.), осуждавший ирландцев за неканоническое исчисление Пасхи, но ценивший их суровую аскезу, которой те были обязаны древним контактам ирландских монахов с пустынножителями Египта. Интерес англосаксов к египетским анахоретам можно также связать с восточными корнями архиепископа Теодора, однако и авторитет Беды, несомненно, способствовал позитивному восприятию в древней Англии отшельников, упоминаемых в «Церковной истории народа англвов» (731 г.).

Все это, вместе взятое, содействовало почитанию в англосаксонской среде не только христианских пастырей или королей, павших от рук язычников, но и мирян, уединявшихся для служения Богу. После появления жития св. Катберта внимание англосаксонских авторов привлек знатный воин Гутлак, покинувший мир и подвизавшийся среди пустынных болот Кроуланда. За его житием на латыни (которое создал в середине VIII в. монах Феликс по заказу Эльфвальда, короля Восточной Англии) последовали три анонимных сочинения на древнеанглийском языке – сокращенный прозаический пересказ труда Феликса и две небольшие аллитерационные поэмы Guthlac A и Guthlac B.

Латинские жития англосаксонских святых повышали престиж английской церкви на континенте, где на протяжении VIII в. трудились миссионеры из Англии, распространяя христианство среди германских сородичей; англоязычные жития – престиж обители или королевства в самой Англии, где пребывали мощи святого. В любом случае, однако, цель агиографов состояла в том, чтобы создать идеальный портрет, отвечающий понятию святости во Вселенской Церкви. Поэтому и труды англосаксов ориентированы на модели континентальной агиографии. Наиболее раннее из жизнеописаний (*vita*) христианских анахоретов, чья аскеза могла послужить примером для англосаксонских подвижников, – это греческий текст Афанасия Александрийского об Антонии Великом, признанном «отце» египетского монашества. В Англии труд Афанасия, написанный вскоре после кончины Антония (356 г.), был известен в латинском переводе-переложении Евагрия Антиохийского (374 г.), который отчасти сокращает, отчасти расширяет оригинал, но в целом сохраняет его структуру [Kurtz 1926, p. 103]. Оба эти труда упоминает Альдхельм Мальмсберийский (639–709)

в трактате «О похвале девственности» (*Patrologia Latina*, LXXXIX, Col 126). Беда Досточтимый в житии св. Катберта уподобляет англосаксонского отшельника египетскому анахорету, говоря о том, что тот прогнал птиц, клевавших его посевы, подобно святому Антонию, который уговорил диких ослов прекратить разорять его огород (*Vita Sancti Cuthberti Auctore Beda*, XIX).

Таким образом, в эпоху появления жития св. Гутлака труд Афанасия-Евагрия был известен англосаксам, и именно на него ориентировался Феликс (как, возможно, и другие авторы сочинений о Гутлаке). Житие Феликса позволяет предположить, что не только его автор, но и сам Гутлак знал житие св. Антония, ср.: *Dum enim priscorum monachorum solitariam vitam legebat, tamen illuminato cordis gremio avida mente eremum quaerere fervebat* (*Vita Sancti Guthlaci Auctore Felice*, II, 14) «Ибо, читая об уединенной жизни древних монахов, он всем своим просвещенным до глубины сердцем и жадным умом стремился отправиться в пустыню»¹.

Рассказ Феликса об аскетических трудах и подвигах св. Гутлака строится по образцу жития св. Антония, вплоть до заимствования целых пассажей; особенно заметны параллели в описании видений [Kurtz 1926, pp. 103, 126]. Демонология Феликса во многом напоминает таковую у Евагрия и Афанасия: бесы предстают перед отшельниками в виде диких зверей, причем Феликс сохраняет имена и образы животных, нехарактерных для умеренного климата Северной Европы, хотя и уменьшает их число. Еще одной чертой, сближающей жизнеописания Антония и Гутлака, является трогательная любовь подвижников к миру природы, зверям и птицам. Однако заметны и различия, связанные с ментальностью и образом жизни англосаксонской знати: «Гутлак, как бы того желал или не желал Феликс Кроуландский, предстает в житии как истинный германский военный предводитель, стремящийся к личной славе» [Омельницкий 2002, с. 77].

В житиях Антония и Гутлака есть тоpos благородного происхождения святого, но причина ухода подвижников от родных трактуется по-разному. Антоний покидает мир под впечатлением услышанного в храме чтения Евангелия, в то время как Гутлака приводит к вере разочарование в мирских занятиях: как отпрыск знатного рода, он вначале выбирает военную карьеру, но потом отказывается от нее из-за отвращения к убийствам. Здесь слышится мотив евангельского «благоразумного разбойника», но за этим проступают и реалии жизни англосаксонской знати, чьи имена ассоциировались с военной карьерой, – так, имя Гутлак означает «награду (или трофеи) битвы».

¹ См.: [Kurtz 1926, p. 106], перевод мой. – Н. Г.

Феликс обыгрывает это имя в духовном смысле, называя Гутлака воином Христовым. Военная терминология как символ духовной борьбы введена еще апостолом Павлом (Еф. 6:14–17), но была особенно близка англосаксам как намек на героическое прошлое их предков, отразившееся в поэме «Беовульф». Феликс вводит мотив чудесного знамения, отсутствующий в житии Антония: при рождении Гутлака «из облаков небесного Олимпа» вдруг явилась «человеческая рука, вся в красно-золотом сиянии, обращенная к Кресту, стоявшему напротив дома, где святая женщина приносила миру младенца»². Эта деталь связывает труд Феликса с мифопоэтической традицией, встречающейся и в труде Беды, где служение аббатисы Хильды предсказывается во сне ее матери, которой перед рождением дочери приснилось прекрасное ожерелье, распространявшее свет по всей Британии (*Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*, IV, 23).

Анонимная версия жития св. Гутлака (более поздняя, чем труд Феликса) дошла в рукописи XI в., но восходит к древнеанглийскому прототипу конца VIII – IX в. [Roberts 1970, pp. 202–203; Омельницкий 2002, с. 10]. Эта древнеанглийская версия, кратко излагающая труд Феликса, может быть расценена как «реинтерпретация» жизнеописания святого, рассчитанная на мирян. Ее автор, опуская ряд конкретных фактов и цитат из Священного Писания, усиливает оценочную характеристику образа святого, подавая его как пример для паствы, т. е. повышает его дидактическую направленность. На этом основании поздняя редакция текста древнеанглийского прозаического жития даже приписывалась Эльфрику Грамматику (ок. 950 – ок. 1010 г.), самому крупному прозаику эпохи бенедиктинского возрождения монашества в Англии, хотя позднее это мнение было отвергнуто [Омельницкий 2002, с. 9–10, 85–101]. Однако следует признать, что аноним перерабатывает латинское житие вполне в духе Эльфрика, для которого свойственно избегать конкретики и усиливать назидательный смысл.

Две аллитерационные поэмы о Гутлаке, созданные примерно в одно время с текстом древнеанглийского прозаического жития, но дошедшие в рукописи конца X в. (*The Exeter Book*), также являются собой своеобразное сочетание жития и проповеди, акцентируя пример святых для понимания верующими цели и смысла земной жизни. Они сосредотачиваются на ключевых эпизодах его жития – отшельничеству и кончине. Анонимный автор поэмы, именуемой *Guthlac A*, посвящает рассказ почти исключительно борьбе подвижника с бесами, не упоминая его жизни в монастыре, детства и юности. Трудность поэтического изложения состояла в том, что германский

² См.: [Омельницкий 1997, с. 29].

аллитерационный стих, сложившийся в устной импровизации, требовал традиционной, стереотипной фразеологии, отражающей ключевые понятия героико-эпического мира. Поэтому при описании демонов в поэме исчезают наименования экзотических животных; бесы предстают скорее как мифические чудовища, их обозначения близки наименованиям монстра Гренделя в поэме «Беовульф». Их борьба с Гутлаком представлена как сражение за земное обиталище, так сказать, «родовое капище» – некий холм, имевший сакральный характер еще с языческих времен [Омельницкий 1998, с. 18–20].

По-иному расставлены акценты во второй поэме о Гутлаке. Исследователи не раз отмечали, что поэма Guthlac B, в отличие от поэмы Guthlac A, не вполне соответствует жанру жития, поскольку описывает не жизнь, а смерть святого [Kennedy 1943, p. 251; Bridges 1984, p. 55; Powell 1998, p. 490]. Разумеется, кончина праведника – это часть любого агиографического сочинения. Смерть Гутлака составляет важный момент в житии Феликса, однако представлена в условных выражениях агиографического канона, по большей части заимствованных из «Жития св. Антония» и «Жития св. Катберта». В отличие от Феликса, Guthlac B ставит акцент не только на результате смерти святого (его принятия в небесные обители), но также на самом процессе «умирания», расставания с земной жизнью.

В житии Феликса, как и в древнеанглийском анонимном житии, кончине Гутлака уделяется не более одной десятой части текста, в поэме «Гутлак А» – не более десяти строк [Powell 1998, p. 491]. По сути, Гутлак здесь не столько умирает, сколько препровождается туда, где ему уготована лучшая жизнь. Из четырех англосаксонских повествований о Гутлаке лишь Guthlac B целиком разрабатывает тему смерти и трактует ее как изгнание – трактовка, чуждая другим текстам. Уход из земного мира, описываемый в терминах странствия и расставания, свойственных героической элегии, по-видимому, делал рассказ о Гутлаке более понятным и приемлемым для англосаксонской аудитории, воспитанной на устной героико-эпической поэзии.

Элегический мотив «изгнания» замечен прежде всего в концовке поэмы, которая остается, однако, предметом споров. Одни полагают, что анонимный автор, сочиняя заключительные строки поэмы, прямо подражал поэме «Скиталец» [Kennedy 1943, p. 258]. Другие, напротив, отказывают им в принадлежности к жанру элегии, в том числе по причине их религиозно-дидактического характера [Timmer 1942, p. 41; Pilch 1964, p. 213]. Тем не менее можно отметить явные моменты сходства между концовкой поэмы Guthlac B и героическими элегиями. После смерти Гутлака его ученик оказывается лишенным общения с учителем, т. е. пребывает в своеобразном духовном «изгнании», и якобы по этой причине отправляется к сестре Гутлака,

чтобы найти утешение и рассказать ей о постигшем их горе. Вместе с тем его слова показывают, что это лишь начало его странствий: *Ic sceal sarigferð, / heanmod hweorfan, / hyge drusende* (Guthlac B, 1378b – 1379) «Я должен, печальный душой, / скитаться, униженный и отверженный, / духом упавший»³. Здесь присутствуют все компоненты, составляющие тему «изгнания»: статус (изгнанника), его обездоленность, состояние духа и перемещение в пространстве [Greenfield 1955, p. 203]. Эти завершающие поэму строки создают, однако, ощущение незавершенности пути самого изгнанника, который, подобно главному герою поэмы «Скиталец», очевидно, осознает свою жизнь как бесконечный и трудный поиск пути к Богу.

Анализ лексики обнаруживает, что свойственные древнеанглийским элегиям компоненты, особенно мотив «изгнания», пронизывают собой весь текст поэмы Guthlac B, что особенно заметно на примере темы смерти, которая видится при этом не только как желанный путь святого к Господу, но и как разлука учителя с любимым учеником, вызывающая безутешное горе.

В поэмах «Морестранник» и «Скиталец», наиболее явных образах героических элегий, мотив «изгнания» трактуется как полное отторжение эпического героя, одиноко странствующего по холодному морю, от радостей дружинной жизни (пиров и битв); как разлука с любимым вождем, как контраст чужбины и родины. Guthlac B трактует смерть как разлучение души и тела, разлуку господина и его служителя, как путь от земных горестей к небесному блаженству, но также и переживание утраты общения с близкими.

С прямыми простыми именами смерти (*deað* «смерть», *ende* «конец») чередуются в тексте сложные переносные выражения, уподобляющие смерть изгнанию и путешествию. Среди них важную роль играют композиты со вторым элементом *gedal* «разделение». Три из них подразумевают разделение жизни и смерти (*feorg-gedal*, *lif-gedal*, *deað-gedal*), два – отделение души (*sawel-gedal*, *gæst-gedal*). И если последние предполагают выход души за пределы земного пространства, то выражение *lices hgyre* «гибель (букв. падение) тела», напротив, привлекает внимание к земному аспекту смерти, чья неизбежность выражается в композите *nyd-gedal*. Тот же земной аспект виден в композите *peoden-gedal*, обозначающем смерть как «отделение от господина». В этом месте поэмы акцент перемещается на скорбь ученика по поводу разлуки с учителем, ко-

³ Здесь и далее текст поэмы Guthlac B цитируется в переводе автора статьи с указанием номеров поэтических строк по: Anglo-Saxon poetic records / Ed. by G.P. Krapp, E.K. Dobbie, van. Vol. 3. N.Y.: Columbia University Press, 1936. 382 p.

торый именуется героико-эпическими терминами вождя (*dryhten, beoden*). Вот как оплакивает ученик смерть Гутлака: *Ellen biþ selast / þam þe oftost sceal / dreogan dryhtenbealu, / deoþe behycgan / þroht þeodengedal* (Guthlac B, 1348–1350a) «Мужество потребно / тому, кто должен / пережить великое горе [возможно: «гибель вождя»], / глубоко прочувствовать / тяжесть разлуки с господином».

Если метафора «разделения» фиксирует статичное восприятие смерти, то метафора пути указывает на ее динамический аспект – самый момент исхода души из тела. Целый ряд композитов, включающих наименование «пути» (*sið, weg*), обозначает этот момент как движение «вовне» (*ut-sið*), «вперед» (*forð-sið, forð-weg*) или даже прямо как «путь в изгнание» (*wraec-sið*). Разумеется, для святого это путь наверх, на небо, но можно видеть здесь и намек на последний вздох, сопровождаемый сожалением об уходе из земной жизни. Вместе с тем негативные ассоциации «изгнания» относятся тут прежде всего к печали ученика, а не к чувствам умирающего праведника, хотя тот и сожалеет о разлуке. Для Гутлака смерть как отделение непорочной души от пораженного первородным грехом тела – это радостное путешествие, его чувства обозначены через повтор прилагательного *fus* «страстно желающий». О себе он говорит: *ond ic siþþan mot / fore meotudes sneowum / meorda hleotan* (Guthlac B, 1040b – 1041) «И ныне я должен / у колен Создателя / получить награду». Образ дружинника, преклоняющего руки и голову на колени господину в знак верности, характерен для героико-эпической традиции и присутствует, в частности, в героических элегиях (*The Seafarer*, 41–43a).

Еще одна аллюзия на древнеанглийские элегии – упоминание судьбы (*wyrd*), что свидетельствует о знании поэтом героико-эпической традиции, где судьба выступает в роли активной, почти что одушевленной силы, хотя и подчиненной Творцу. Эпизод смерти Гутлака завершается словами, которые говорят о неспособности этой силы задержать душу святого в теле: *Wyrd ne meahte / in fægum leng / feorg gehealdan, / deore frætwe, / þonne him gedemed wæs* (Guthlac B, 1061b–1063) «Судьба не могла / в обреченном долее / жизнь удерживать, / дорогое сокровище, / коль то суждено ему было». Последняя фраза содержит намек на имя Бога как высшего Судии (*Demend*).

Используемый поэтом сложный лексикон смерти, акцентирующий то вполне понятную земную печаль, то небесные радости, создает в поэме некое настроение, которое сближает ее с древнеанглийскими элегиями, где изображаются страдания эпического героя-одиночки, потерявшего связь с вождем и дружиной, однако в конце концов находящего утешение в Боге. В употребляемых словах имплицитно заложены скрытые намеки на параллели между содержанием элегий

и тем, как поэт интерпретирует воздействие смерти на окружающих. Ученик Гутлака, а отчасти и сам Гутлак, тоже переживающий разлуку с учеником, предстает при этом в роли обездоленного изгнанника, героя поэм «Скиталец» и «Морестранник».

Итак, можно сделать вывод о разнообразном проявлении интертекстуальности при формировании жития св. Гутлака в его прозаической и поэтической версиях. Если Феликс, автор латинского жития, еще подражает канону континентальной агиографии, вплоть до прямых заимствований и сохранения экзотических реалий из жития св. Антония, поскольку ориентируется на церковную элиту, то анонимный автор древнеанглийской прозы в большей мере адаптирует рассказ к понятиям и потребностям англосаксонской аудитории из мирян. В стихотворных произведениях усиливается влияние героико-эпической традиции аллитерационной поэзии, что особенно заметно в поэме *Guthlac B* с ее ярко выраженным мотивом «изгнания», характерным для героических элегий «Скиталец» и «Морестранник».

Литература

- Омельницкий 1997 – *Омельницкий М.П.* Образ святого в англосаксонской литературной и агиографической традиции: на материалах поэмы “*Guthlac A*” и “*Vita Sancti Guthlaci*” Феликса Кроуландского. М.: Реал-А, 1997. 96 с.
- Омельницкий 1998 – *Омельницкий М.П.* Поэма о святом Гутлаке: на материале древнеанглийской поэмы «Гутлак А». М.: Реал-А, 1998. 256 с.
- Омельницкий 2002 – *Омельницкий М.П.* Агиографические модели позднего англосаксонского периода: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 261 с.
- Bridges 1984 – *Bridges M.E.* Generic contrast in Old English hagiographical poetry. Copenhagen: Rosenkilde and Baggen, 1984. 276 p.
- Greenfield 1955 – *Greenfield S.B.* The formulaic expression of the theme of exile in Anglo-Saxon poetry // *Speculum. Journal of Medieval Studies*. 1955. Vol. 30. No. 1–2. P. 200–206.
- Kennedy 1943 – *Kennedy Ch.W.* The earliest English poetry. L.: Oxford University Press, 1943. 375 p.
- Kurtz 1926 – *Kurtz B.J.* From St. Anthony to St. Guthlac. A study in biography // University of California Publications in Modern Philology. 1926. Vol. 12. No. 2. P. 103–146.
- Pilch 1964 – *Pilch H.* The elegiac genre in Old English and early Welsh poetry // *Zeitschrift für Celtische Philologie*. 1964. Bd. 29. P. 209–224.
- Powell 1998 – *Powell S.D.* The journey forth. Elegiac consolation in *Guthlac B* // *English Studies*. 1998. No. 6. P. 489–500.
- Roberts 1970 – *Roberts J.* An inventory of early Guthlac materials // *Medieval Studies*. 1970. Vol. 32. P. 193–233.
- Timmer 1942 – *Timmer B.J.* The elegiac mood in Old English poetry // *English Studies*. 1942. Vol. 24. P. 33–44.

References

- Omel'nitskii, M.P. (1997), *Obraz svyatogo v anglosaksonskoi literaturnoi i agiograficheskoi traditsii: na materialakh poem "Guthlac A" i "Vita Sancti Guthlaci" Feliksa Kroulandskogo* [The image of the Saint in the Anglo-Saxon literary and hagiographic tradition. Based on the materials of the poem "Guthlac A" and "Vita Sancti Guthlaci" by Felix of Crowland], Real-A, Moscow, Russia.
- Omel'nitskii, M.P. (1998), *Poema o svyatome Gutlake: na materiale drevneangliiskoi poem "Gutlak A"* [The poem about Saint Guthlac. Based on the material of the Old English poem "Guthlac A"], Real-A, Moscow, Russia.
- Omel'nitskii, M.P. (2002), *Agiograficheskie modeli pozdnego anglosaksonskogo perioda* [Hagiographic models of the late Anglo-Saxon period], D. Sc. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Bridges, M.E. (1984), *Generic contrast in Old English hagiographical poetry*, Rosenkilde and Bagger, Copenhagen, Denmark.
- Greenfield, S.B. (1955), "The formulaic expression of the theme of exile in Anglo-Saxon poetry", *Speculum. Journal of Medieval Studies*, vol. 30, no. 1–2, pp. 200–206.
- Kennedy, Ch.W. (1943), *The earliest English poetry*, Oxford University Press, London, UK.
- Kurtz, B.J. (1926), "From St. Anthony to St. Guthlac. A study in biography", *University of California Publications in Modern Philology*, vol. 12, no. 2, pp. 103–146.
- Pilch, H. (1964), "The elegiac genre in Old English and early Welsh poetry", *Zeitschrift für Celtische Philologie*, Bd. 29, pp. 209–224.
- Powell, S.D. (1998), "The journey forth. Elegiac consolation in Guthlac B", *English Studies*, no. 6, pp. 489–500.
- Roberts, J. (1970), "An inventory of early Guthlac materials", *Medieval Studies*, vol. 32, pp. 193–233.
- Timmer B.J. (1942) "The elegiac mood in Old English poetry", *English Studies*, vol. 24, pp. 33–44.

Информация об авторе

Наталья Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Сретенская духовная академия, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Большая Лубянка, д. 19, стр. 3; ngvozd@yandex.ru

Information about the author

Natalia Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 19, Bolshaya Lubyanka St., Moscow, Russia, 107031; ngvozd@yandex.ru